О ВМВ РАССКАЗЫВАЕТ СОЛДАТ 1-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ АРМИИ США МОНФРИ УИЛСОН (MONFREY WILSON)

Монфри Уилсон в годы ВМВ сражался в Северной Африке, Италии и Западной Европе в составе знаменитой 1-й Пехотной Дивизии армии США, также известной как *The Big Red One* (*Большая Красная Единица*) благодаря нашивке, которую военнослужащие дивизии носили на рукаве. Монументы в память о погибших солдатах и офицерах 1-й Дивизии можно встретить в разных странах и дома, в Америке. Дивизия оставила след и в массовой культуре – ей посвящен голливудский фильм *The Big Red One* (1980), существует даже одноименная компьютерная игра.

Я родился на ферме, в бревенчатом доме, в штате Западная Вирджиния. Жизнь мне предстояла нелегкая, так как у меня было восемь братьев и шесть сестер… Где-то в 1930-х я окончил школу и не смог найти работу, потому я записался в *Civilian Conservation Corps (Программа в рамках Нового Курса президента Рузвельта, нацеленная на борьбу с безработицей среди молодежи. Молодые люди возрастом 18-25 лет улучшали дороги, сажали деревья, ухаживали за национальными парками, принимали участие в гидротехнических, гидромелиоративных и сельскохозяйственных работах - ВК)*. Мы работали в штате Огайо – ставили заборы, рубили деревья, занимались планировкой ферм. Я проработал там 4 года и стал одним из старших по команде. Я решил было поискать работу, но куда бы я ни пришел, меня спрашивали, сколько мне лет, и, услышав ответ, говорили «нет». Я отправился на призывной пункт и попросил взять меня со следующим набором. Это было время, когда Дядя Сэм наставлял на вас с плакатов палец и говорил: «Ты мне нужен».

Знаменитый плакат, призывающий от имени Дяди Сэма вступать в армию США (http://amhistory.si.edu/militaryhistory/collection/object.asp?ID=548)

В армии

Нас отвезли в Кливленд, штат Огайо, для медицинского осмотра и вводного инструктажа. Целый день продолжалось: «Открой свой рот, нагнись, раздвинь ягодицы и так далее.» На ужин дали рыбу. Это было началом продолжительного испытания, поскольку после этого каждую пятницу

приходилось есть рыбу. После ужина какой-то сержант сказал мне взять щетку и подмести пол. Я ответил ему, чтобы он сделал это сам, поскольку я пока еще не в армии. После того, как мы приняли присягу, он мог бы навести шороху, но, слава богу, я его с тех пор больше не видел…

Потом нас посадили на поезд и отвезли в военный лагерь Fort Benjamin Harrison (штат Индиана). По прибытии нас собрали в актовом зале, и все началось сначала: «Открой рот и т.д.» Нас осмотрели, сделали какие-то уколы, а затем меня отправили в военный лагерь Camp Walters (штат Техас), для прохождения базовой подготовки. Там мы учились стрелять из винтовки, миномета и пулемета. После всего, но в неменьшем объеме – штыковой бой. Я хорошо бросал ручные гранаты. Из этого лагеря я попал в военный лагерь Fort Devens (штат Массачусетс). Первым делом нас собрали в актовом зале, и какой-то капитан произнес речь о том, какой замечательной воинской частью является 1-я Пехотная Дивизия. Так я оказался в части, известной как *Big Red One*.

Я оказался а роте «А» 1-го Отделения 1-го Батальона 26-го Пехотного Полка. В дивизии было три полка, в батальоне – три роты, в роте – 4 взвода. Стрелковый взвод включал в себя три отделения. Предполагалось, что в бою два подразделения атакуют, одно находится в резерве. Итак, мы приступили к боевой подготовке, по-настоящему. Были долгие марш-броски, стрелковая подготовка, ночные вылазки. Мы высаживались с катеров в заливе Buzzard Bay. Несколько раз я ездил в Бостон в увольнительную, и в одну из поездок посмотрел фильм *Sergeant York* (*патриотический фильм 1941 г. о жизни и подвиге американца Йорка на Западном Фронте ПМВ*) . Когда я вернулся в казарму, мне сказали, что японцы бомбили Перл-Харбор…

Однако на Рождество я получил отпуск и провел дома целую неделю. Это было прекрасно! Все мои братья и сестры собрались вместе, мы поставили елку, и все увешали ее деньгами, собранными специально для меня. После моего возвращения нашу часть перевели в военный лагерь Camp Blanding (штат Флорида). В этом лагере нашим батальоном стал командовать майор Дрейк (Drake). Он заставлял нас бегать вокруг лагеря перед завтраком и готовиться к боям в болотах без питьевой воды под рукой. Обучение продолжалось три месяца, после чего нас перевели в городок Indiantown Gap (штат Пенсильвания). Во время пребывания в этом городке я несколько раз ездил домой. Вскоре нам сказали, что мы отправляемся за океан. Когда я был дома последний раз, я не сказал никому, что мы отправляемся за море, но они уже знали об этом. Мой брат Джим, сестра Нелл и мама проводили меня до Кливленда, где я должен был сесть на поезд. По дороге они плакали, и я тоже не удержал слез. Тогда я видел свою мать в последний раз…

Из лагеря мы отправились в городок Hoboken (штат Нью-Джерси), на пароме перебрались на армейскую базу Бруклина, а затем мы взошли по трапу на борт лайнера *Queen Mary* и всего за 5 дней пересекли Атлантику. Мы оказались в Глазго, а оттуда, на поезде, добрались до казарм Tidworth Barracks в Англии. В этом городке мы занимались строевой и боевой подготовкой. Онажды мы осуществили марш-бросок до известного исторического места под названием Стоунхендж (Stonehenge). Это место напоминало старый разрушенный замок…

В Англии мы сидели на местном рационе, и был он отвратительным. Нам приходилось есть жаркое из бычих хвостов, стейки и пудинг из почек. Офицеры тоже ели все это. В конце концов нас погрузили на какое-то судно, и мы отправились в Северную Африку.

Северная Африка

Мы высадились в 4 часа утра 7 ноября 1942 г. и захватили Оран. На второй день мы взяли французский форт на горе Jebel Majaja. После это мы захватили несколько небольших городков, а затем нас перебросили в район перевала Кассерин (Kasserine Pass). Я находился на самой большой горе, когда немецкие танки прорвались через перевал. Немецкие пехотинцы атаковали нас, и нам пришлось отступать, поскольку нас закончились боеприпасы… [На привале] я прилег

под сосной и попросил нашего сержанта разбудить меня, когда они снова тронутся в путь. Когда я проснулся, светило солнце, но вокруг никого не оказалось.

Из этой дрянной ситуации нужно было выбираться, и тут я наткнулся на одного парня, который бежал [из немецкого плена]. Пару часов мы шагали вместе, но затем расстались. Он хотел идти одной дорогой, но я заметил на земле следы [сапог] с отпечатками здоровенных сапожных гвоздей и сказал ему, что это следы, оставленные немцами, и по этой дороге я не пойду. Однако, парень ответил, что пойдет именно в этом направлении. Что ж, я пошел своим путем, взошел на гору и посмотрел вниз. В долине было полно танков, но мне нужно было пересечь ее… Я прождал до 4 часов утра. Шел дождь и опустился туман. Я тронулся в путь через долину, забитую танками, затем увидел один неподалеку и обошел его. В итоге я пересек долину, забрался в кусты и уснул. Утром я взошел на следующую гору и увидел, что расположенная за ней долина тоже забита танками. К тому времени я уже не ел ничего пять дней, воду пил совсем понемножку, поэтому и решил, что спущусь вниз, не разбираясь, немцы там или нет.

Спустившись в днище долины, я увидел британцев, которые кипятили чай. Они сказали мне, что «какие-то ваши парни» ушли по этой дороге, я двинулся в том направлении и наткнулся на подразделения 9-й Дивизии. Какой-то полковник назадавал мне кучу вопросов. Затем он сказал, что они выдвигаются на передовую и хотят взять меня вместе с собой. Но у меня были другие планы. Я спросил, где здесь туалет, и он показал мне на небольшую сосновую рощицу. Что ж, я пошел в том направлении, но не остановился и брел, пока не наткнулся на части *Big Red One*, расположившиеся в полевом лагере на отдых. От дивизии к тому времени осталась примерно половина … Мы получили подкрепления, и в это время я впервые встретил Фитцпатрика (Fitzpatrick). Капитан собрал роту и произнес речь. Это была какая-то херня, а не речь. Он сказал о нас так: «Вы – бесславные актеришки, вы – это те, кто бросает оружие и снаряжение!» Это был наш капитан Келахер (Kelaher). Ну а я и Фитцпатрик стали закадычными друзьями. Я был капралом (corporal), и я за него отвечал, но он понимал меня, а я, когда мог, покрывал его.

Когда мы получили базуку, лейтенант спросил нас, видел ли кто–нибудь ее раньше. Фитц сказал: «Да, я стрелял из нее.» Лейтенант ответил: «Хорошо, теперь это твоя базука.» Когда Фитц в первый раз выстрелил из базуки, ему снесло шлем, и все его лицо покрылось кровавыми пятнами: капли горючей смеси забрызгали ему лицо. Тогда Фитц отнес базуку в штаб роты и доложил капитану, что больше не собирается из нее стрелять. Он сказал, что она брызжет дерьмом и соплями и чуть было не убила человека. Тогда в штаб вызвали меня и отчитали за то, что я не держу своих парней под контролем…

В Тунисе мы загнали немцев в котел. Потом пошли слухи, что нас отправляют домой, но генерал Терри Аллен (Terry Allen) произнес перед нами речь. Он сказал: «Вы – это банда замечательных героев, и вас еще раз выбрали для того, чтобы достичь цели (*to carry the ball – идиома из терминологии американского футбола - ВК*)." Затем мы высадились в Сицилии…

Сицилия

10 июля 1943 г. мы вторглись в Сицилию. За этим последовали 30 дней боев, и у нас не было ни одного дня передышки. Мне приказали взять отделение и очистить пляж. У итальянцев в песчаной дюне был бункер, и я послал Фитца и другого Джо разглядеть его поближе. Итальянец бросил в них гранату, и Фитцу снесло каску. Потом Фитц швырнул гранату. Я подобрался поближе, Фитц выхватил еще одну гранату у меня из рук и бросил ее в бункер. Оттуда вылетела шинель! Затем я подозвал парня с ручным пулеметом, и он обстрелял бункер. Итальянцы стали выходить из него и сдаваться. Тут появился, вроде, тот самый малый, который бросил в нас гранату, и Фитц дал ему хорошего пинка под зад. Вообще, эти ребята были насмерть перепуганы. Казалось, они сейчас упадут на колени и начнут молиться…

Солдаты из Big Red One в Сицилии (http://www.taringa.net/posts/info/9957579/Big-red-one-la-1-division-de-infanteria-norteamericana.html)

Затем немецкие танки атаковали наш плацдарм. Некоторые из них приблизились к нам на 100 ярдов (около 90 м), но корабельная артиллерия уничтожила их. В ту ночь мы начали продвижение вглубь острова. Я слышал треск пулеметных очередей и разрывы мин. Наш полк должен был завхватить высоты вокруг аэропорта Gela, но нас прижало [к земле] огнем в небольшой лощине. С нами был лейтененат-артиллерист, и он передал нашему капитану, что мы должны идти в атаку. Капитан приказал всем примкнуть штыки и идти в атаку, издавая как можно больше шума. Мы рванули вперед с криками и воплями и больше не останавливались, пока высоты не оказались в наших руках. 3-й Батальон здорово потрепало, и их командир запросил подкреплений. За подкреплениями отправили Фитца и еще нескольких чудиков. Так я потерял своего друга Фитца. Затем мы получили приказ взойти на гору Этна, чтобы атаковать город Троина/Troina. Мы взяли этот город и продолжили наступление. Я отправился с группой солдат в разведку, и мы заметили роту итальянцев, расположившуюся в большом доме. Я передал полковнику, что их слишком много для моего отряда и что мне нужна помощь. Мы вернулись, нам придали солдата, который говорил по-итальянски, и, когда мы вернулись к этому большому дому, солдат предложил им сдаться. Одновременно с этим артиллеристы постреливали таким образом, что снаряды пролетали над крышей дома, но с каждым новым выстрелом ложились все ближе и ближе к нему. В итоге, итальянцы бросились наутек…

Мы сбросили немцев в море, после чего расположились на отдых. От грязи царапины и мозоли у меня на руках воспалились, и мне пришлось две недели провести в госпитале. Пока я оставался в нем, *Big Red One* вернулась в старушку-Англию. Вскоре и я оказался на судне, идущем в Англию. Когда я прибыл в свою часть, она располагалась в большом старом отеле. Девушки из *A.T.S.* жили в доме напротив *(Auxiliary Territorial Service – добровольно поступившие на военную службу женщины в период ВМВ в Великобритании. Они служили, в основном, на различных вспомогательных должностях и в частях ПВО - ВК)*. Как приятно это было… В один из выходных, когда некоторые из моих ребят были в увольнительной, один из парней привел с собой свою подругу и оставил ее у нас на всю ночь. Я отдал ей свою комнату, а сам лег спать на чью-то койку, поскольку знал, что эта парочка была в любовных отношениях, а ведь скоро нам всем предстояло опять идти в бой…

Вскоре нам дали понять, что предстоят большие события и мы окажемся на острие атаки. Мы приступили к довольно суровой боевой подготовке: высаживались с катеров на берега Шотландии, учились вести боевые действия ночью. Затем мы сделали марш-бросок к побережью и там окопались. Лежу в своем окопчике, завернувшись в одеяло и тут слышу грохот артиллерии.

Выглянул – вдруг стало ясно как днем от осветительных ракет. Утром лейтенант сказал нам, что немецкие подводные лодки обстреливали радарные станции, и приказал всем оставаться в окопах. Появился наш полковник. Увидев меня, он сказал: «Уилсон, тебя что, еще не убили?» Я отдал честь и ответил: «Нет, сэр, такого парня, который мог бы замочить меня, пока не нашлось.» Это был капитан Келахер, который теперь стал полковником. Я спросил его, где он раздобыл этих голубей для своих погон (*солдатская шутка - у полковника американской пехоты на погонах были орлы – ВК*). Он сказал, что это было непросто. Ну, затем мы перебрались в военный лагерь Camp Raleigh (в районе Плимута), расположенный на берегу пролива. Из лагеря не выпускали, здесь же нам сказали, что высадка в Нормандии состоится 6 июня 1944 г.

Омаха Бич, 6 июня 1944 г.

Мы промаршировали к транспортым судам и тронулись в путь через пролив. Моя рота входила во вторую волну. Это был сущий ад, худшее из того, что я видел в своей жизни. Весь пляж был усеян трупами. Нам говорили, что на берегу будут воронки от бомб, но ничего подобного не было: наши самолеты проскочили над линией побережья. Я залег в русле небольшого ручейка и вел оттуда огонь весь день. Ночью мы отправились в сторону от моря – начались бои в краю зарослей на краях полей (*обычный термин – французское слово bocage – ВК*). Немцы обстреливали нас из-за этих зарослей. Я в тот момент был сержантом взвода и целую неделю не мог толком поспать. Как-то был бой за городок Кумон/Coumont. Немецкий сержант бросил в нашу сторону гранату, и она упала между моим капралом и мною, но не разорвалась… Мы оба стали стрелять в этого немца, и в него попали две пули: одна пониже сердца, другая повыше. Он упал, рыдая и выкрикивая слова молитвы. Наши санитары подобрали его и сделали ему переливание крови. Позднее я видел врача, который сказал мне, что тот парень выжил…

Big Red One высаживается в Нормандии (http://www.stripes.com/news/1st-infantry-division-led-assault-on-d-day-1.53474)

Нас сменила 4-я Дивизия. Немцы атаковали их, и парни побежали, как испуганные кролики. Нам пришлось вернуться и в штыковой атаке сбросить немцев с занятой ими высоты.

Потом мы обошли Париж и вступили в Бельгию. Пал Льеж. Мы продвинулись к немецкой границе и наткнулись на противотанковые надолбы, которые назвали «зубами дракона». Подошли танки с большими катками, обмотанными цепями. Эти танки смогли пробить проходы в противотанковых укреплениях. Мы продолжили наступление, но наткнулись на три бетонных ДОТа, которые прижали нас к земле пулеметным огнем. Наши танки подавили их огнем своих пушек. Затем танки с бульдозерными ножами засыпали ДОТы аж до крыш. Четыре месяца спустя я оказался в том же месте – они так и остались полностью погребенными…

Бульдозер засыпает землей ДОТ в окрестностях Аахена
(http://tothosewhoserved.org/usa/ts/usatse03/chapter19.html)

Мы пробились с боями к Аахену (*город в Германии на границе с Бельгией – ВК)*, уже на территории Германии. Наша колонна разделилась на две, и мы окружили город. Немцам дали 24 часа, чтобы объявить о капитуляции, но они не пошли на это. Наша авиация и 155-мм орудия начали бомбить и обстреливать их. Однако, не обошлось без уличных боев. Пришлось выкуривать немцев из подвалов и канализационной сети.

Мы отбросили немцев в район Хюртгенвальд/Huertgenwald. Местность здесь была засажена соснами. 26 октября 1944 г. я оправился на рекогносцировку в группе из 6 человек. Мы попали в засаду, всех моих парней перебили, а я попал в плен. В руках у немцев я оставался около часа. Меня допрашивал немецкий капитан. Он требовал, чтобы я назвал номер своей части, но я назвал только свое имя, звание и личный номер. Он наставил на меня свой пистолет и сказал, что, если я не дам нужные сведения, он меня пристрелит. Я искал шанс удрать, и, когда моя рота пошла в атаку, он отвернулся от меня, чтобы отдать распоряжения. Я схватил его руку, повернул пистолет в его сторону и выстрелил ему в живот. Ну а немцы отступили, и я вновь оказался в составе своей роты. Однако противник продолжал удерживать ряд высот, и всякий раз, когда мы пытались продвинуться дальше, мы попадали под пулеметный огонь.

В 4 утра, в один из этих дней, мы примкнули штыки и пошли в атаку на эту самую высоту. Немцы не стали испытывать судьбу в рукопашном бою и отошли. На противоположном склоне это холма я едва не расстался с жизнью. Я лежал в своем окопчике, который сверху был закрыт дверью из дубовых досок, на которой лежали мешки с песком. Немецкий снаряд упал точно на мой окопчик… Я очнулся в госпитале в Париже. Был я весь черно-синий, в ушах у меня звенело, в моем теле засели осколки. Меня продержали в госпитале две недели, а потом отправили обратно в часть. После этого я так и не пришел в себя полностью…

Арденны

Мы уткнулись в *Линию Зигфрида*. Это была полоса ДОТов длиной 200 миль и шириною 50 миль. Приходилось возиться с каждым ДОТом по отдельности, и при этом наши войска несли тяжелые потери. Думаю, случилось вот что: командование бросило в бой зеленые, необстрелянные части, и немцы просто косили их. *Big Red One* в это время находилась на отдыхе, но вскоре нас в ускоренном порядке снова отправили на передовую. Нам удалось загнать немцев в ловушку под названием *Rose Pocket*. Этот котел получил название в честь генерала Роуза (Rose), убитого в бою. В котле мы взяли в плен несколько тысяч человек…

После той контузии в окопчике я так и не пришел в себя. Мои нервы были расшатаны, и я пришел к выводу, что если случится еще один бой с моим участием, меня непременно убьют. Я отправился в госпиталь, где меня полностью обследовали, сделали укол и уложили спать. Затем медики поставили пластинки с записями шума сражений, штыковых атак, пулеметных очередей и грохота артиллерии. После всего этого мне сообщили, что мой отец умер, мать погибла в автомобильной катастрофе, а брат Билл пропал без вести. Это было уже на пределе того, что могли вынести мои нервы, большего я уже не выдержал бы. Ну, меня перевели в саперный батальон. Мы занимались с тем, что укладывали стальные металлические полосы на полевые взлетно-посадочные полосы. Как-то раз кто-то из моих приятелей нашел бочонок с немецким пивом, мы начали распивать его, когда в расположение нашей роты въехал грузовик. Водитель сказал: «Сержант Уилсон, собирайте вещи, вы отправляетесь домой.»

Я онемел, так как не мог поверить, что со мной это случилось - я отправлялся домой. Но я думал и о тех парнях, которые уже не вернутся домой, и по дороге в Париж написал эти строки:

Onward, First Division,	Первая Дивизия, шагай вперед
Onward to meet the foe.	Вперед, врагу навстречу.
May we never falter	Пусть мы не дрогнем
As into battle we go.	Вступая в бой
Though our hearts are heavy	И хоть наш сердца полны
With thoughts of home and God	Думами о доме и о Боге
Let us all press forward	Мы не остановимся и дойдем,
To where the huns have trod.	Мы доберемся до гуннов

We have all pressed forward	Мы шли без устали,
And we have met the foe.	И мы вступили в бой.
With many missing in our ranks,	Мы потеряли многих ребят,
They did their duty, we know.	И мы знаем, они выполнили свой долг
So, cheer up, all you mothers	Матери, не печальтесь,
As you shed a tear or so.	Хоть слез не удержать.
Your sons all died as heroes,	Ваши сыновья пали героями,
So onward we could go.	Чтобы проложить нам путь
We know we have a duty	Мы знаем, в чем наш долг,
And a duty it shall be	Наш долг таков –
To honor God and Country	Чтить Бога и Родину
As we go on to Liberty.	И биться за свободу

Заключение

Глядя в прошлое, я вспоминаю, что мой дед Уилсон воевал в Гражданскую Войну и служил в роте «А» 10-го Полка Западновирджинских Добровольцев (*West Virginia Volunteers*). Мои братья Меррилл и Гленн – в Первую Мировую. Четверо из нас участвовали во Второй Мировой. Мой брат Меррилл воевал в *Rainbow Division* (42-я Пехотная Дивизия), Гленн служил интендантом. Во Второй Мировой также участвовали два моих племяника и племянница. Все вернулись домой* после трех войн. Должно быть, мы были хорошими солдатами или Господь Бог позаботился о нас. В моем случае, я думаю, было именно так.

**Брат Монфри Уилсона Билл числился пропавшим без вести, но вернулся из немецкого плена.*

Оригинальное интервью – Cliff Merill, перевод и обработка – Владимир Крупник

Возврат на главную страницу www.warsstory.org

Публиковалось в книге:
Aaron Elson. A Mile in Their Shoes: Conversations With Veterans of World War II (1998)
http://www.amazon.com/exec/obidos/ASIN/0964061120/worldwariioralhi